

Е. Р. ЯДРОВСКАЯ,

доцент кафедры методики преподавания русского языка и литературы
Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

ТВОРЧЕСКИЕ РАБОТЫ ПО ЛИТЕРАТУРЕ КАК ПУТЬ СОПРЯЖЕНИЯ ВНУТРЕННЕГО И ВНЕШНЕГО ДИАЛОГА ЧИТАТЕЛЯ

Размышляя о сегодняшнем состоянии общества, замечательный русский ученый, наш современник С. Аверинцев сказал, что испытывает сильнейшую ностальгию по тому состоянию человека как типа, «когда все в человеческом мире что-то значило или, в худшем случае, хотя бы хотело, пыталось, должно было значить; когда возможно было *«значительное»* (выделено автором). Именно исчезновение значительного — важного, необходимого, не только того, ради чего живем и во имя чего творим (это исчезло несколько раньше), но исчезновение значительности, значимости всего происходящего, — предельно обостряет проблему «как жить дальше». «В том-то и ужас, что сегодня люди могут сколько угодно убивать и умирать — и, сколько бы ни было жертв, это все равно ничего не будет значить. Объективно не будет», — утверждает Аверинцев.

Ученый полагает, что если еще недавние разговоры о последних временах, о конце света придавали осмысленность самой жизни, то теперь наступило ничего.

За полвека в нашей стране не раз менялись правители и режимы, то усиливалась, то ослабевала, а затем и вовсе исчезла цензура, но любое десятилетие, любая страна (СССР, Россия), любая эпоха ставит человека в ситуацию выбора, и никакой, даже самый комфортный, быт не отменяет вечных вопросов бытия, которые существуют, пока в человеке жива так называемая «внутренняя цензура» — совесть, искренность, сопротивление компромиссу. Искания предшествен-

ников не отменяют насущной необходимости каждому поколению искать свой путь, смысл бытия, себя.

Дмитрий Сергеевич Лихачев для меня прежде всего является символом сопряжения в реальной жизни внешнего и внутреннего диалога, слова и дела. Именно это, думаю, и делает его человеком исключительным, особенным, человеком, которому веришь.

В эпоху, которую в искусстве обозначили как «постмодернизм», все постепенно утрачивает смысл, значимость.

«Формулой сегодняшнего дня», найденной за современников, называет Аверинцев строчки И. Бродского:

Это хуже, чем грохот
И знаменитый всхлип.
Это хуже, чем детям сделанное «бо-бо»,
Потому что за этим не следует ничего.

«Все утекает, ничто неповторимо: значит, все исключительно важно», — утверждал в прошлом веке А. А. Ухтомский. О высоких идеалах служения Отечеству, об идеалах святой дружбы и возвышенной любви, созданных Пушкиным, «гением возвышения», писал Дмитрий Сергеевич Лихачев.

Что же нам важно сегодня, чем заменились ушедшие идеалы, что не подверглось разрушительной иронии?

В юбилейный год Лихачева во всех школах проходят лихачевские уроки. Глубоко убеждена в том, что эпизодическое обращение к личности великого современника мало повлияет на духовно-нравственный климат

сегодняшней школы, ведь сама по себе информированность в сфере гуманитарного знания далеко не всегда ведет к нравственному поступку.

Мне кажется, учителю необходимо прежде всего самому приобщиться к той нравственной и духовной высоте, которая была присуща всему, что делал и говорил наш великий современник. В противном случае мы лишь декларируем идеи Лихачева.

Ни в коей мере не отвергая разные формы приобщения к наследию Дмитрия Сергеевича Лихачева, я хотела бы все же немного поделиться тем, как на уроках литературы, в ходе общения с художественным текстом у учащегося формируется личная ответственность и сопричастность всему, что происходит в жизни, ведь литература как никакой другой предмет «пробуждает чувства добрые» — не воспитывает, не призывает...

Ответственность бытию, сопряжение внешнего и внутреннего диалога — вот что сегодня самое сложное как для учителя, так и для ученика, вот главная проблема современности. Искусство по природе своей нравственно и гуманно. В какой же мере чаще всего мы используем этот мощнейший потенциал? Как, каким образом мы держим ответ за все то, «что поняли и прочувствовали в произведении искусства»? Об этом писал М. Бахтин, творческим поведением называл это М. Пришвин, именно этой идеей нравственного сопряжения образованности и поведения, слова и дела проникнуты труды Лихачева о русской культуре.

Творческие работы по литературе, с нашей точки зрения, дают уникальную возможность формирования и развития диалогического пространства личности ученика, что способствует углублению рефлексии. Создание системы диалога учащегося с художественным произведением, автором и самим собой — есть предмет и цель моей учительской практики и научной работы. Этот путь ученика — от сочинения сказок, лимериков, хокку, проповедей и обращений к современникам до сочинения эссе, в которых затрагиваются важнейшие проблемы бытия, ставшие для ученика личными, — видится мне как путь овладения умением чувствовать, слышать, ответствовать бытию.

Для чего наши ученики пишут сочинения? Для того чтобы научиться их писать? А для чего тогда нужно научиться писать? Сочинение — приведение мыслей и чувств в порядок. Сочинение по литературе — творческая работа ученика, стимулом к которой становятся литературные и жизненные впечатления, — это возможность включиться в диалог с «гениальными» собеседниками, реализовать

то, для чего и предназначено произведение искусства, — ответить. Без этого ответа мир искусства остается немым для человека, то есть несуществующим, чем-то вроде десерта для гурманов, а не хлебом насущным для каждого из нас.

Что, по-моему, должно объединять автора произведения искусства и автора школьного сочинения? Желание собеседничества: от робкой попытки вступить в диалог до невозможности молчать, духовной жажды. И об этом уже так много сказано русскими философами. Думаю, мы совершаем большую ошибку, не включая философию в пространство наших методических поисков. А ведь если нет этого стимула к работе — ничего не получится: люди пишут из желания быть услышанными и понятыми, изначально веря в особую силу написанного слова. И школьное сочинение без этого теряет смысл. Где и когда нашему ученику доведется еще письменно излагать свои мысли и чувства, вступая в диалог с Пушкиным и Чеховым, Толстым и Достоевским, Лермонтовым и Окуджавой, Бахтиным и Лихачевым? Спорить со взрослыми, с собой, с миром?

Что остается после штампованных полусписанных школьных работ? Полная дискредитация Слова и профанация Дела. Что дает сочинение-диалог? Личностную интерпретацию художественного произведения, в процессе работы над которой и формируется личность ученика.

Не обсуждать написанные работы — все равно что не отвечать на письма. Поэтому крайне необходимо анализировать работы в классе, отмечать интересные и глубокие мысли, поощрять умение ученика тонко чувствовать текст, эмоционально откликаться на произведение — вместе радоваться маленьким открытиям в себе и в искусстве.

Понимание всегда есть интерпретация, то есть привнесение себя в тот материал, который мы пытаемся истолковать. И школьное сочинение в этом смысле — возможность для ученика письменно выразить свою читательскую интерпретацию, которая в конечном счете и является, по представлениям современной методики (В. Г. Маранцман), целью школьного анализа художественного текста.

Приведу лишь маленькие примеры. Первая встреча с «чужими» десятиклассниками. Пришла «с Окуджавой» — рассказывала, слушали, пели — диалог состоялся.

После уроков в сочинениях-эссе «Читая и слушая Булата Окуджаву» ребятам необходимо было выразить себя через свое отношение к творчеству поэта, быть может, обнаружив в себе обновленный мир: добрый, открытый, искренний.

А в некоторых работах получилось так:

«“Полночный троллейбус” продолжает тему доброты и отзывчивости».

«Булат Окуджава простой человек, который хочет поделиться с людьми своей точкой зрения на мир».

«В своих произведениях поэт выявляет актуальные проблемы...»

«Все стихотворения этого поэта из народа и для народа — энциклопедия гуманизма».

«...Отдадим дань великому поэту...»

Конечно, подобные клише можно классифицировать как обычные для школьного сочинения стилистические и речевые ошибки. Привычно сортируя и маркируя речевые недочеты учащихся, допущенные ими в школьных сочинениях, задумываемся ли об их истинных причинах?

Вы думаете, списали? Нет. Просто сработала инерция привычки так писать, себя не вписывая вовсе или вписывая с опаской, *закрывающая двери*. Готовые формулы «великий русский», «учит жизни», обильно разбавленные «анализом» тропов (не произведения и жизни!), легко и привычно заполнили необходимые объемы. Чужая интонация вовсе не об Окуджаве, о ком-то безликом: безличное о безличном.

И сквозь эти чужие ритмы осторожно пробивались собственные голоса: *«Окуджаву нельзя просто читать, к его стихам нужно бережно прикасаться, нужно думать и чувствовать»*, *«его стихи несут в себе какую-то невысказанную печаль»*, *«у Окуджавы был редкий, необыкновенный дар собеседничества»*, *«мое любимое стихотворение...»*, *«в нашем мире осталось так мало места для романтики и настоящих чувств»*, *«я все больше думаю над тем, что, может, нет ни у кого права судить»...*

После повторного обращения к текстам и живой беседы, после «снятия» масок-штампов и установки на свободное самовыражение изменился стиль работ, глубина осмысления текста. Как тут не вспомнить самого Окуджаву:

Мгновенно слово. Короток век.
Где ж уместается человек?
Где, и когда, и в какой глуши
распускаются розы его души?

И вот отрывок из сочинения ученицы Юлии Петербургской: «Как же так получается, что стихи и песни Окуджавы, на первый взгляд кажущиеся такими простыми, таят в себе глубокий смысл? И смысл этот понятен человеку, у которого есть душа, то есть для которого важно духовное воспитание. Окуджава пел о вечном — о душе, о любви, о надежде и вере. Такой и должна быть поэзия — мило-

сердной и сострадательной, сдержанной и мелодически точной».

Как поразительно точно в этой последней фразе школьного сочинения отразилось истинное предназначение искусства — слышать музыку своего времени, а если ритмы вселенной сбились — создавать мелодию, без которой не может выжить в мире человеческая душа.

А потом произошло чудо — им не хотелось расставаться. Они пели Окуджаву и делились своими чувствами. Ощущение духовного единства и братства охватило всех. Зажгли свечи и еще долго-долго говорили «обо всем» и особенно благодарили за «Открытие Окуджавы» и за открытие самих себя. Этот запас признаний современных юношей и девушек в любви к литературе согревает мою учительскую жизнь.

А вот иная тональность размышления — сочинение в стиле Михаила Жванецкого, сатирика-философа наших дней.

Нормально живем

Говорят, плохо живем. Нет, нормально живем. Деды наши так жили, и дети так же мучиться будут. А что делать?

Живи как можешь. Если рожден ползать — ползай, рожден летать — летай, не знаешь, что делать — подожди, вдруг само придет. И не надо спешить. Все беды от спешки. Спешим ужасно — тут недосматривая, там недодумывая, здесь недобельвая. И всегда через тернии к звездам, хотя где эти звезды, никогда точно не знаем. А как иначе? Как иначе, когда жить так, как хочется — не получается, а так жить, как получается — не хочется. И что дальше? Лечь и спокойно умереть? Да никогда! Стать покорным судьбе? Да не дождетесь. Начать новую жизнь? Можно, но зачем, когда еще в этой мы что-то недодумали, недоглядели, недоделали.

А разве в этой жизни мало хорошего? Оно есть, просто под слоем всего плохого, которое вечно на поверхности, хорошее не всегда разглядишь, оно где-то глубже. Но оно же есть!

Вы живы? Если да, то еще не все потеряно, если нет — то вам уже нечего терять и вы можете жить дальше в свое удовольствие. Вам этого мало? Простите, а как же дети? Ведь это чуть ли не последние цветы, которые мы еще в состоянии дарить женщинам. За ними будущее! И наши дети должны обязательно жить лучше, чем мы!

Так еще наши деды думали.

(Иванов Василий)

По моему глубокому убеждению, главный урок Лихачева заключается именно в том,

чтобы стремиться сопрягать в себе пережитое в искусстве с реальным повседневным поведением, а это невероятно трудно, поскольку требует постоянного духовного напряжения.

Безусловно, речь может идти лишь об опосредованном во времени и пространстве влиянии произведения искусства на личность учащегося.

В век, когда все распадается — от государства до семьи, когда даже штампы уже перестали быть пародией, когда слово утра-

чивает всякий смысл, именно подлинное искусство и культура помогают сохранить нам внутреннюю цельность.

Занятия с детьми, анализ творческих работ вселяют в меня веру в то, что у нас подрастает думающее, чувствующее поколение, достойное как памяти предков, так и славы современников. «Чувства добрые» необходимо в них только пробудить. И это для каждого из нас, учителей, есть тоже очень важный урок Лихачева.